
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 63.3 (2 Рос=Калм.)

**ВОЙНА, ПЛЕН И ДЕПОРТАЦИЯ
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Э.Х. МУТЛЯЕВА***Б.А. Шантаев*

Статья посвящена описанию событий первых месяцев войны, положения советских военнопленных и депортации калмыцкого народа глазами очевидца, ветерана войны.

Ключевые слова: *военнопленные, депортация, война, ветеран.*

The article is devoted to the description of events of the first months of war, status of the Soviet captives and deportation of the Kalmyk people by eyes of the spectator, the veteran of war.

Keywords: *captives, deportation, war, veteran.*

В преддверии 65-летия Великой Победы над фашизмом мы представляем воспоминания ветерана войны Эренджена Хазыковича Мутляева. Это тем более важно, потому что устные повествования как исторический источник исчезают быстрее, чем другие виды источников. Нетрудно предвидеть, что уже совсем скоро в России не останется ни одного ветерана Великой Отечественной войны. Вместе с их воспоминаниями по капле утрачивается и обедняется история.

Мутляев Э.Х. родился 17 мая 1922 г. в местечке Шорвин Кец п. Цаган-Нур в многодетной семье. Его отец умер, когда ему было 5 лет, и воспитанием детей занимались бабушка и мама Овлур. В ноябре 1930 г. пошел в школу и, закончив 4 класса, продолжил учебу в Малых Дербетах. В 1940 г. вернулся в Цаган-Нур и стал работать учителем математики в 5 - 6 классах.

11 декабря 1940 года его призвали для прохождения воинской службы. Службу начал в г. Черновцы у границы с Румынией в танковой бригаде. Здесь наш земляк встретил начало войны. Попал в плен в сентябре 1941 года в «Зеленой брани». За время пребывания в немецком плену сменил несколько концлагерей на территории Западной Украины, Польши, Финляндии и Норвегии. После освобождения и прохождения проверок в сентябре 1945 г. был отправлен в Новосибирскую область на спецпоселение. В 1957 г. возвратился в Калмыкию и продолжил работу учителем в пос. Цаган-Нур. На заслуженный отдых ушел в 1984 г. Воспитал четверых детей, у него 10 внуков и правнучка. С любимой супругой живет в браке уже 62 года.

Записанные воспоминания имеют особую ценность как свидетельство человека, прошедшего войну, фашистские концлагеря и спецпоселение в Сибири. Все это позволяет нам отнести воспоминания Э.Х. Мутляева к числу ценных исторических источников. Мы сохранили по возможности авторский стиль изложения, переложив его с калмыцкого языка на русский. Некоторые

имена людей, с которыми жизнь свела Э.Х. Мутляева, даны без фамилий, так как автор их не знал или не помнил.

Вот его рассказ: «Меня призвали 11 декабря 1940 года. Одновременно со мною и односельчанина Санджиева Бадму Аршановича. Добираться до ближайшего военкомата нужно было самим. До пос. Кетченеры нас довез на телеге, запряженной верблюдами, Тараненко Пантелей, направляющийся в Ергенинскую МТС. Председатель Сарпинского объединенного военкомата Моников Шорва отправил нас дальше в с. Садовое, сказав, что нас срочно ждут в военкомате. Председатель сельского совета Сукулов Манджи отдал нам свою телегу, по пути мы должны были забрать с собой Кичикова Манджи из п. Шинмер. Но выехали на следующий день рано утром, чтобы можно было двигаться по подмерзшей земле. Декабрь в тот год выдался теплым: днем все таяло, а за ночь немного подмерзло. Из-за дождей и растаявшего снега дороги сильно развезло. Перед отъездом я оставил председателю последнюю свою зарплату, чтобы он передал моей матери. Выехали рано утром, лошади по бездорожью еле волокли телегу с кучером и четырьмя призывниками. Ехали весь день и остановились на ночлег в с. Обильное. На следующий день вечером прибыли в с. Садовое. Поужинав в сельской столовой, отправились в военкомат. Там у нас забрали личные дела и объявили, что мы поедем на место прохождения службы в составе команды из 10 человек. Переночевали в военкомате, застелив пол газетами.

На следующий день после полудня прибыла «полуторка» (ЗИС-5), на которой в Сталинград была отправлена первая команда из 10 человек. Ближе к вечеру нас погрузили на машину и отправили на железнодорожную станцию Абганерово. Но доехать быстро не удалось — по пути машина сломалась. За помощью пришлось отправиться в ближайшее село, находившееся в 3 км от дороги. Взяв вещмешки, всей группой (10 призывников, сопровождающий помощник военкома и шофер)

отправились в село. Добрались затемно. В одной избе горел свет, это был сельский совет. Председатель сельского совета разместил нас в этой избе, но спать пришлось на голом полу. Машину починили на следующий день только к обеду. На станции вечером сели на поезд, следовавший до Ростова-на-Дону. Оттуда добрались до Кишинева, переночевали и на следующий день прибыли на место прохождения службы в г. Черновцы (Западная Украина).

По прибытии на вокзал нас встретил сержант из части № 2125 – пункта нашего назначения. Дорога оказалась длинной: мы строем пересекли весь город, перешли реку и пришли в село. В двухэтажном здании, куда нас привел сержант, не было электричества, а на первом этаже большой зал был застелен соломой. Объявив, что нам придется спать здесь, сержант ушел. Утром он отвел нас в столовую, а затем повел в Дом культуры, где уже собралось много призывников. На кузове машины стоял офицер, который зачитывал список призывников и объявлял им места прохождения службы. Я попал во 2-й учебный батальон 77 танкового полка 33-й танковой бригады Киевского особого военного округа. После распределения нас всех повели в баню, а затем выдали новое солдатское обмундирование. Гимнастерка, галифе и кирзовые сапоги были черного цвета, а шинель и буденовка – стального. Гражданскую одежду, сложив в вещмешки с прикрепленными фанерными бирками, на которых были указаны фамилия и домашний адрес, оставили на складе. Затем нас отвели в двухэтажное здание на второй этаж, где стояли двухярусные нары, и объявили, что наша рота будет располагаться в этой казарме. Через месяц службы перевели на нижний этаж казармы.

Через некоторое время меня перевели в первую роту, состав которой распределили по экипажам танков Т-26. Нас учили ездить танковым строем. Было очень тяжело, так как местность в Черновцах была сильно пересеченной: много оврагов и балок. Это заметно прибавляло сложность при движении. В начале все маневры осуществлялись без танков: пешим строем становились в колонны, командир становился с флажком на возвышенности и подавал знак, по которому все начинали разворачиваться. Тяжелее всех было тем, кто стоял последним в колонне, так как им приходилось бежать вперед. Местами в балках приходилось бежать по пояс в снегу. За день таких тактических упражнений все вещи промокали насквозь. Вечером, придя в казарму, все – от нижнего белья до сапог и шинели – сушили в специальных сушильных комнатах. Утром забирали свои вещи, отбивали высохшую грязь с шинели и начищали сапоги.

Также утром и вечером проходила строевая подготовка. После завтрака проходили политзаня-

тия – читали лекции о международном положении, краткий курс истории ВКП(б). Затем нам читали лекции по материальной части танка. Затем перешли непосредственно к вождению, но тренировок по вождению было очень мало. А тренировка стрельбы из танковой пушки отсутствовала вовсе. До начала войны мы не сделали ни одного выстрела. Стреляли только из танкового пулемета.

Во втором учебном батальоне я был единственным из калмыков. Только в третьем учебном батальоне проходил службу Кичиков Манджи. Он был прикреплен к конюшне кавалерийской части. Раньше, когда Черновцы входили в состав Румынии, здесь располагалась кавалерийская часть. С приходом наших войск часть конюшен перестроили под танковые ангары, а часть оставили за кавалерией. Еще один калмык, Санджиев Бадма, был в роте управления, располагавшейся отдельно от нас. Он был кладовщиком на вещевом складе, так как до призыва в армию работал продавцом в магазине.

22 июня 1941 года нас разбудили в 5 часов утра и объявили боевую тревогу. Обычно по воскресеньям давали спать чуть подольше. Мы сразу поняли, что началась война, так как о ней в последнее время все говорили как о неизбежности. Начало войны ждали еще 28 мая. После того как все собрались на сборном пункте, командир полка объявил, что в 4 часа утра немцы перешли границу и их самолеты бомбят наши города Минск и Киев. Командир полка приказал вывести танки с танкодрома и замаскировать в лесу. Приказ был выполнен. Со склада всем были выданы противогазы и стеклянные фляжки в матерчатом чехле. Эти фляжки быстро оказались разбитыми, когда танкисты залезали в люк своего танка. Вскоре ни у кого не осталось ни одной фляжки. Танки были полностью укомплектованы снарядами и пулеметными дисками.

После завтрака наш полк начал движение к границе. К полудню мы достигли границы и встали у реки Серет (левый приток реки Дуная – *Б.И.*). Как оказалось, рано утром границу перешли румыны и пытались захватить село, в котором располагались пограничники и стройбат. Они совместными усилиями отбили атаку и отбросили румынов обратно буквально перед приходом нашего танкового полка. Позже выяснилось, что жители села (гуцулы) ушли вместе с румынами.

Свой первый бой я принял на границе СССР у реки Сирет. Наш полк оборонял границу до 4 июля 1941 года. Во время боев выяснилось, что наши танки Т-26 могли спасти только от пуль, а немецкие противотанковые орудия пробивали их насквозь. 4 июля пришел приказ отступать, так как немцы стали обходить нас и возникла угроза окружения. Начали отступление и к вечеру достигли г. Черновцы, затем двинулись дальше

к реке Прут. Немцы попытались захватить мост через реку, и к мосту удалось прорваться двум немецким танкеткам, но они были тут же подбиты. Через этот мост проходили пехотные части, а кавалерия ждала своей очереди. Командир полка договорился о том, чтобы танковый полк пропустили до перехода кавалерии. Колонной шли всю ночь и утром повернули к Виннице, но в городе не задержались. Во время марша кормили один раз в день.

Остановились в лесу. Здесь мы приняли бой с немцами. Стрелковые части окопались, но окопы были в виде индивидуальных ячеек, а не сплошных траншей. Наш танковый полк поддерживал стрелковую часть. Танки были врыты в землю по самую башню, но их все равно подбивали. Каждый день мы несли большие потери, а ночью танки выезжали на задание громить тылы немцев. За слабую броневую защиту танкисты называли свои танки «гроб с музыкой». 16 июля были подбиты наши последние танки. Мой танк насквозь пробил противотанковый снаряд, который убил водителя-механика. Если бы снаряд разорвался внутри, то погибли бы все. Можно сказать, только благодаря слабой броне уцелели остальные члены экипажа.

Экипаж танка Т-26 состоял из 3 человек: командира, наводчика и механика-водителя. Я был наводчиком. Перед тем как покинуть машину, командир приказал взять с собой запасной пулемет, так как подбитый танк развернуло в сторону немцев, которые открыли пулеметный огонь. Нам удалось отползти на безопасное расстояние и укрыться. Тут в бой вступила пехота, и наши смогли не только отбить атаку немцев, но и захватить ближайшее село. Беспорядочное отступление немцев позволило захватить немецкие трофеи в виде автомобилей и боеприпасов. После выяснилось, что живыми и невредимыми остались только 3 танкиста и девушка-фельдшер. Она прибыла на полуторке за ранеными. Их погрузили и вывезли, а погибшие так и остались лежать на поле боя не похороненными. Оставшись втроем и посоветовавшись, решили идти в село, занятое красноармейцами, и присоединиться к ним. В село мы пришли с двумя пулеметами, но там нас встретили разгневанные сельские жители, обвинявшие в том, что их бросают на произвол, не защищают от немцев. Мы были не в лучшем положении, пешие и голодные. Днем шли, а вечером окапывались по обе стороны дороги для обороны. В один из дней в 6 утра пришли немцы на 3 танках и пехотой в количестве 60 солдат. Завязался бой. Пулеметами мы отсекали пехоту, и она залегла в пшенице. У стрелковой части уцелела только одна пушка из целой батареи, причем из орудий не удалось подбить ни одного танка. Солдаты уничтожили танки с помощью противотанковых гранат. Огонь пулеметов «Максим» был настолько плотен, что скашивал

пшеницу под корень. Вечером немцы отступили, а мы двинулись дальше.

С тех пор, как погиб танковый полк, кормить нас перестали, и мы вместе с солдатами страдали от голода. Питались растертыми колосками недозрелой пшеницы. Если попадался стручковый горох, то это воспринимали как праздник. Однажды мы набрали на пасеку, но тогда я не знал, что это такое. Солдаты из числа русских накиннули на себя плащ-палатки и ушли, а когда вернулись, принесли мед в котелках. От голода мы ели даже сырую картошку. По пути заходить в села командир запретил, но когда голод очень сильно нас мучил, мы отправлялись на поиски еды в ближайшую деревню. Местные женщины ругались и жаловались, что самим есть нечего, но все равно всегда давали немного молока, хлеба, картошки. Хотя мы ели только раз в сутки, это все же поддерживало нас.

После тяжелых боев остатки 12-й армии (кавалерия, пехота, пешие танкисты и обозники), к которой мы относились, отступили. Подполковник интендантской службы говорил нам, что все автомобили обеспечения, полевые кухни разбиты немцами и нам нечем обеспечить питание отступающих войск. В одну из ночей мы увидели своего начальника штаба подполковника Шамшина, а также его заместителя в чине бригадного подполковника, награжденного орденом Красного знамени за участие в боевых действиях в Испании (фамилию которого наш информант, к сожалению, не помнит – *Б.Ш.*). Вид двух подполковников у обочины дороги, варящих на костре себе еду из риса, навсегда врезался мне в память. Эта картина наглядно показывала наше бедственное положение. Общее количество отступающих было несколько тысяч.

Когда подошли к реке Синюха (приток Южного Буга – *Б.Ш.*) для переправы на другой берег, то оказалось, что единственный мост был разбомблен немцами. Те, кто умел плавать, с наступлением темноты, сняв с себя одежду, стали переправляться на другой берег. В это время немцы освещали реку осветительными ракетами и стреляли по переправляющимся из пулеметов. Была полная неразбериха. Вода в реке была красной от крови. Те, кто не мог плавать, укрывались в прибрежных зарослях, но к утру, поняв, что переправиться им не удастся, пошли к ближайшему с. Подвысокое. Чтобы раздобыть себе пищу, разбились на группы по два человека: если более двух человек, то хозяева не смогут накормить. Нас, танкистов, было 8 человек и за старшего был старшина. Незаметно для нас отделился пехотный лейтенант, шедший с нами. У нас был мешок муки, который дали проезжающие обозники. Добравшись до села, попросили хозяев приготовить нам еду. Один из солдат сказал, что неподалеку есть пустая пекарня, но по

пути к ней мы случайно попали под обстрел снайперов и некоторые из нас погибли. Добравшись до пекарни, поели и собрались отдохнуть, но прилечь не удалось, так как немцы окружили нас и предложили сдаться в плен. Соппротивление было бесполезным, и мы присоединились к другим сдающимся красноармейцам. Единственное, что мы успели сделать, – снять затворы с винтовок и разбросать их по кустам. Нас взяли в плен 7 августа 1941 года.

Немцы всех сдавшихся солдат разместили на ночь в колхозный свинарник, где можно только сидеть, потому что помещение было очень низким. Ночью шел дождь, и к утру мы совсем промокли. Утром всех построили и вели весь день, вечером остановились на ночлег, но нас не покормили. Утром прибыла грузовая машина, и всем раздали по булке черного хлеба весом по 700 граммов. На оберточной бумаге я заметил надпись, что хлеб был выпечен в 1913 году. Остатки хлеба сложили в вещмешки – немцы запрещали есть в пути. Вечером нас привели в лагерь для военнопленных, построенный еще до войны и использовавшийся теперь по прямому назначению. Мы поужинали оставшимся хлебом и водой, которую мы набирали в свои котелки из водовозки, специально пригнанной вечером на территорию лагеря. Дождь лил всю ночь. Вообще 1941 год выдался особенно дождливым.

Через несколько дней мы добрались до г. Умань (Черкасская область Украины Б.Ш.). Мы провели два мучительных дня в котловане кирпичного завода без еды. Только на третий день, перед отправкой, выдали галеты. Через несколько дней дошли до г. Винница. Лагерь был расположен в нашем военном городке. Питались мы только гороховым отваром по пол-литра в сутки. От такого питания было много ослабших, которые даже не могли самостоятельно передвигаться. Нас все время держали под охраной и никуда на работы не водили.

В конце августа меня и других посадили в вагоны и привезли в Бердичев. Там условия для военнопленных были немного лучше, утром давали кофе (отвар прожаренного ячменя – Б.Ш.) и 300 грамм хлеба. После завтрака гнали на работу, а вечером кормили баландой, которую называли макаронным супом. Вместе с пленными выгоняли на работу и местных женщин. Они приносили с собой еду и делились с пленными. Пленные работали командами, численностью по 50 – 60 человек. Продуктов, которыми делились украинские женщины, было мало, всем доставалось по чуть-чуть. Работу выполняли разную: на кожевенном заводе, на лесопилке, на железнодорожной станции. Однажды нас просто так сильно избили солдаты-венгры, которые таким образом хотели выслужиться перед немцами. В Бердичеве я встретил другого

калмыка – Онтиева Хаалгу (Онтин Хаалһ) из поселка Сарпа (Онтиев Хаалга ушел на фронт в 18 лет и не вернулся – Б.Ш.) [ПМА: Боктаев Ш.В., Далтаева Б.У.]. Вскоре местных украинцев из числа пленных стали отпускать домой, и они перед уходом отбирали у всех хорошую одежду. У меня отобрали шинель, а у Онтиева Хаалги кроме шинели отобрали еще и сапоги. Мои сапоги сильно износились, из двойной подошвы осталась только одна, поэтому они их не взяли. Случилось это в ноябре 1941 г.

На очередной работе под проливным дождем в одной гимнастерке я заболел, и у меня поднялась температура. В лагере была санитарная часть, расположенная в полуразрушенном двухэтажном здании с заколоченными фанерой окнами. Онтиев Хаалга повел меня в санчасть, где нас встретили два санитар, грузины по национальности. Один из санитаров осмотрел и сказал, что я счастливчик, так как у них есть свободное место. Мне принесли две шинели: одну – подстелить под себя, а второй – хорошо укутаться. Из-за высокой температуры я стал бредить и временами терял сознание. Так прошло два дня. Когда очнулся, то услышал, что мне говорят: ешь, ешь, а то умрешь. Кто-то в рот старательно заталкивал кусок хлеба. Это оказался сосед, молодой парень. Он принес еще «кофе» в котелке. Через 5 – 6 дней температура стала спадать. Лекарств не было, санитар делал только внешний осмотр, а температуру проверял, прикладывая ладонь ко лбу. Главным в санчасти был военврач в летной форме, тоже грузин, приходивший на осмотр больных. У него был простейший стетофонендоскоп в виде трубки, которым он прослушивал больных. Это был единственный медицинский инструмент в санчасти. Люди в санчасти умирали часто, и на освободившиеся места прибывали новые больные.

Всю зиму 1941 – 1942 гг. я провел в санчасти. В палате находились две железные бочки, где разводили огонь, а ночью топили только одну бочку, и за огнем следил парень с соседних нар. Общего количества больных мы не знали, так как здание было двухэтажным и свободное перемещение по нему было запрещено. В помещении, где я был, находилось около 60 человек. Кормили мало, только чтобы не умерли с голоду. Помогали друг другу, чем могли. Я был настолько обессилен, что долгое время даже не мог самостоятельно подняться на свои нары. В конце апреля меня и еще двух человек при очередном медосмотре немецкий военный врач признал вполне здоровыми. Но мы оставались физически слабыми, поэтому нас перевели в так называемое отделение доходяг. Судьбу своего пропавшего земляка Хаалги Онтиева я выяснить так и не смог.

Через некоторое время привезли новую партию военнопленных из харьковского котла, но их

держали отдельно, в другом корпусе, отделив от остальных колючей проволокой. Но мы все равно старались перекрикиваться через проволоку. Среди них были калмыки, но имена их узнать не удалось: только удавалось крикнуть друг другу «менд, хальмгуд», как тут же угрожающе кричала охрана.

В начале лета 1942 года нас отправили поездом в Польшу (название города информант не смог вспомнить – *Б.Ш.*). Там нас долго держали под охраной, не отправляя на работы, а кормили баландой. Здесь я встретился с якутом по фамилии Прокофьев, который до войны работал учителем, и корейцем-шофером, которого звали Иван Ким. В личных делах пленных немцы записывали вероисповедание, я и кореец были записаны буддистами, якут тоже записался буддистом, поэтому нас троих оставили в одной группе.

В начале августа нас переправили в другой лагерь на территории Польши, в котором было много пленных. Нас прибыло 10 человек, и мы попали в 55-ю полусотню. В группе были представители народов коми и мари. Кроме того, в лагере было 11 калмыков. Как потом выяснилось, калмыков собирали по 1 - 2 человека со всей Польши и свозили в этот лагерь. Их имена я запомнил: Буваев Баазр Балаканович (Бууван Баазр) из пос. Харба, Манджиев Гриша из пос. Ульдючины, Кариков Дорджи из пос. Шинмер, Алуюев Боова из с. Червленое Сталинградской области, Бавуев Улюмджи из пос. Шарнут (он был в годах, умер в лагере), Абушинов Кузьма Иванович (из Ростовской области, до войны работал в с. Садовое судебным писарем, в армии служил в полку у В.А. Хомутникова), Маркеев (имени не помнит – *Б.Ш.*), который про себя говорил, что он ставропольский чабан, Утиков Санджи (из Ростовской области) о себе говорил, что работал табунщиком, был заядлым курильщиком, половину утренней пайки хлеба выменивал на табак, Эренцен (фамилию не помнит – *Б.Ш.*) из Юстинского района. Также с нами общался русский парень по имени Федя (фамилию не помнит – *Б.Ш.*) из Сталинградской области, умер в лагере, жил со своими однополчанами, а не с калмыками. Всего нас было 11 калмыков, из которых впоследствии умерло от голода 4 человека. В лагере нам выдали кирзовые сапоги взамен деревянных колодок, дали солдатские шинели, фуфайки, солдатские зимние шапки. После того как всем выдали теплое обмундирование, из разговоров мы поняли, что повезут туда, где холодно.

В августе 1942 г. нас привезли в Финляндию в аэропорт Наутси (освобожден войсками Карельского фронта 7 октября 1944 г. – *Б.Ш.*), который раньше был советским аэропортом. Там я встретил Расстегаева, работавшего в 1931 - 32 гг. заведующим Цаган-Нурской сельской школой. Привезли 2500 пленных, здесь нас ждала пустая земля, ого-

роженная колючей проволокой, и ни одного здания. Одну команду выделили для строительства фанерных бараков, которые по внешнему виду напоминали калмыцкие кибитки. Параллельно шло рытье землянок. Когда бараки были построены, и в них поселили пленных, то вскоре прилетели советские самолеты и разбомбили аэропорт. В один из бараков попала бомба, и все находившиеся там погибли. Работы было много, но основная деятельность была сосредоточена на подготовке взлетно-посадочной полосы: бугры и землю оттуда засыпали в низменные участки и «трамбовали». Валили лес, корчевали пни, а потом мерзлую землю ломали и тачками уносили подальше. Была еще команда, которая занималась заготовкой дров для бараков. В общем, работы на аэродроме было много.

Калмыков в живых осталось семеро. Там было еще пятеро бурят, но четверо умерло от тяжелой работы и голода. В живых остался один, молодой парень Василий Дамдинович Гомбоев, он был старше меня на 2 – 3 года и стал держаться с калмыками. Был очень мастеровитым, умел вырезать разные поделки. Из березы вырезал шкатулки, табакерки, а я украшал, выжигая на них узоры. Баазр Буваев, как самый «шустрый», сбывал товар немцам. Все остальные, подойдя к немцам, робели и не могли предложить свой товар. Иногда за шкатулку или табакерку давали целую буханку хлеба, но чаще меньше. Если находили бронзовую монету, то Василий Гомбоев делал из нее красивое кольцо. За кольцо давали буханку хлеба, а когда повезет, – ведро картошки. Тогда мы варили хлебный суп, смешивая хлеб с картофелем. Кузьма Абушинов умел хорошо танцевать гопака, барыню, когда немецким конвоирам привозили обед, он начинал перед ними танцевать, а немцы за это ему давали поесть (к сожалению, как сложилась судьба Кузьмы, Эренджен Хазыкович не знает; Баазр Буваев вернулся с войны и прожил долгую жизнь, умер в 1993 году – *Б.Ш.*). Так мы сумели не умереть с голоду. В таких тяжелых условиях молодой возраст помогает выдержать все испытания. Кто был старше возрастом, все погибли от непосильной работы и голода.

В мае 1943 г. часть пленных, в том числе пятерых калмыков и Василия Гомбоева, на машинах отправили в другой лагерь в г. Салмиярви (ныне находится на территории республика Карелия – *Б.Ш.*), где мы работали на каменоломнях. Работа заключалась в том, что горные породы взрывали динамитом, а мы собирали и вагонетками свозили камни в камнедробилку. Получившийся щебень вагонетками вывозили и ссыпали неподалеку. В августе Василий нашел березовую палку и сделал из нее трость, набалдашник которой был похож на руку. Я выжег еще более четко пальцы и ногти, и трость получилась по-настоящему красивой и

необычной. Её Баазр Буваев обменял на продукты у конвоиров, а у тех ее заметили немецкие офицеры. После этого к ним пришел немецкий офицер с армянской фамилией и стал интересоваться, почему мы вырезали знак немецких коммунистов «Рот Фронт». Мы ответили, что ничего не знаем об этом, но, как попавших под подозрение, через три дня после допроса меня, Василия Гомбоева и Баазра Буваева вывезли в другой лагерь в Петсамо (ныне поселок Печенга в Мурманской области – *Б.Ш.*). Петсамо от Наутси находился примерно в 30 км. Это было уже в августе 1943 г.

По прибытии в лагерь Петсамо мы встретили еще двух калмыков, которых привезли из норвежского Киркенеса, – Костю Нимгирова из Лагани и Манджи Горяева из Приволжского улуса. В Петсамо пробыли до октября 1944 г. Там мы возили бомбы из порта Петсамо на автомашине. Трое грузили автокраном, а трое – разгружали. Команда была интернациональной: калмык, бурят, три татарина из Башкирии и один мариец, которого все звали Володя-мариец. В один из дней мы попали под бомбежку, и Володя-мариец чуть не погиб. В лагере были два сапожника – белорус и татарин, которые иногда доставали немецкие газеты и просили меня почитать, о чем там пишут. Так я узнавал новости о фронте.

В один из вечеров, когда уже темнело, я пошел читать газеты к сапожникам, и в это время объявили воздушную тревогу. В темноте прилетели наши «кукурузники» (По-2) и стали бомбить порт. У сапожников газет не было, и я направился в бомбоубежище по настоянию прибежавшего Василия. И только я стал спускаться в бомбоубежище, как за спиной раздался взрыв и меня засыпало землей. Василий, ругая меня за неосторожность, втащил в бомбоубежище. После авианалета мы с Василием вернулись к барaku, а он оказался наполовину разрушен, в нем погибли старик и оба сапожника. Еще одна бомба попала в туалет, возле которого находилась щель для наших охранников с вышек. При взрыве волна экскрементов заполнила окоп с немцами. Их затем отвели в баню, где мылись узники лагеря. Я услышал как, выходя из бани, они говорили, что «лучше русское дерьмо, чем русская бомба».

Не выдержав дальнейшего пребывания в плену, Василий Гомбоев отчаялся и решил перейти на службу к немцам. Он надеялся попасть на передовую и перейти к своим при первом удобном случае. Никакие наши уговоры на него не действовали. Дальнейшая судьба Василия осталась для меня неизвестной.

Во время наступления наших войска подошли так близко, что была слышна орудийная канонада. Поэтому нас перевели на новое место. Шли быстро днем и ночью под конвоем солдат и их овчарок. Прибыли в норвежский порт Киркенес, где

переночевали. Затем всех, кто был в лагере Киркенес, и вновь прибывших собрали в одну колонну и повели дальше. Шли по дороге мимо фьордов, на ночлег останавливались там, где заставляла ночь. Спать приходилось на снегу. Перед тем как лечь, сгребали сапогами снег в сторону и стелили одну шинель, а другой укрывались. Немцы приказывали ночью никому не вставать. Тех, кто вставал по нужде, расстреливали на месте. Кто отставал от колонны, тоже расстреливали на месте. От интенсивной ходьбы у меня стала болеть и отекает нога. Идти становилось все тяжелее, и на ум стали приходили мысли о близкой смерти. Идти мне помогали Баазр и Костя, подхватив с обеих сторон. Так достигли одного лагеря, но мы пошли дальше и заночевали под открытым небом. Утром всех повели обратно и привели к лагерю. Это был ноябрь месяц, и мы оказались в норвежском г. Бардудфосе.

Первым делом по прибытии я обратился за помощью в санчасть. Врач был пленный, русский по национальности, с двумя помощниками-санитарами. Осмотрев ногу, он спросил: «Как ты мог терпеть такую боль и еще идти?» Отек был до колена. Врач вскрыл опухоль выше пятки в области ахиллового сухожилия простым ножом, предварительно нагрев над огнем. Из лекарств у него была зеленка. Обработав тонкую полоску ткани зеленкой, он затолкал ее в рану и перевязал тряпками. Каждое утро я ходил на перевязки. Боль была сильной, так как тряпочка в ране высыхала, а ее нужно было извлечь, чтобы сменить. Врач оставил меня в санчасти, и я потихоньку пошел на поправку, жар стал отпускать, отек начал спадать, а рана затягиваться. Место мне определили возле печи. Все дни, которые пробыл в санчасти, я спал. Но долечиться мне не дали, пришел немецкий врач и выписал меня, сказав, что нужно идти работать. Я попал в команду, которая строила туннель в горе. Там было все же теплее, чем на улице. Бурильщики готовили шурфы для закладки взрывчатки, после этого приходили немцы, закладывали динамит и взрывали, а потом мы всю породу вывозили вагонетками и высыпали за краем аэродрома. Меню нашего дневного рациона состояло из баланды, «кофе», а на 4 человек выдавали 1 буханку хлеба (300 грамм на человека).

В марте 1945 года немцы уже поняли, что их поражение неизбежно, и пленных перестали гонять на работу. Ослабевших людей было много. Они продолжали умирать, несмотря на то, что никто не работал. 7 мая 1945 года к пленным вышел немецкий фельдфебель, начальник лагеря, и объявил, что война закончилась – «немец капитулировал!». Комендантом лагеря был русский пленный из Ростовской области по имени Жора. Вытащил приготовленную заранее красную тряпку и сделал из нее флаг, который вывесили над лагерем. Затем был митинг. Серб Евлич торжественно прикрепил

на гимнастерку свой орден Красного Знамени, который сберег, прибинтовав к подколенной ямке.

На следующий день в лагерь приехали представители норвежского Красного Креста и выдали каждому по буханке хлеба, а в крышку котелка налили рыбьего жира. Мы, калмыки, решили между собой, что жившим впроголодь нельзя есть сразу много, и каждый из нас съел немного хлеба, намоченного рыбьим жиром. При всей осторожности нам все же было тяжело от съеденного. Те же из пленных, кто съел больше привычного, выдаваемого им немцами пищевого рациона, заболели. Многие страдали от желудочных расстройств, рвоты. Много умерших людей находили в уборной – от съеденной пищи у них начиналась диарея и рвота одновременно.

Освобожденные норвежские заключенные стали членами полицейских команд, поварами, из них выбрали начальника лагеря и т.д., так как жизнь в лагере продолжалась. Затем всех заключенных повезли в настоящую норвежскую тюрьму, где содержались политзаключенные. Тюрьма была по сравнению с лагерем комфортным местом. Вместо привычных бараков стояли двух-трехэтажные финские домики. Через некоторое время прибыл советский представитель, который приказал нам создать свой комитет и воинскую часть из числа военнопленных. Из числа пленных старшим по званию был один подполковник, который разделил всех на батальоны и роты, назначил командиров. Затем наши представители совместно с норвежской полицией привезли на машинах с немецкого склада 2-месячный запас продовольствия, который сложили в склад. Это были сухпайки немецких солдат. Затем приехали представители английских вооруженных сил и также выдали нам запасы продовольствия. Питание настолько улучшилось, что свинину ели каждый день, и некоторые заметно набирали вес.

Пришло время отправляться на родину. В первой команде отъезжающих были только сержанты, в том числе Костя Нимгиров и Баазр Буваев. Мы с Манджи Горяевым остались. В июле месяце нас из Бардусоса повезли на немецких автобусах, за рулем которых сидели немецкие водители, в порт Зарайза. Небольшой части пленных не хватило автобусов, их доставили на грузовых автомобилях. В этом порту я встретил своих земляков, оставшихся в Наутси, – Дорджи Карикова и Гришу Манжиева. Но все мы были в составе разных команд, поэтому отправились на родину разными пароходами и в разные порты. Я прибыл на пароходе в г. Мурманск, отсюда нас сразу же погрузили в вагоны и отправили в г. Вышний Волочёк Калининской области (ныне Тверская область – *Б.Ш.*) в фильтрационный лагерь. Чтобы подтвердить невиновность, нужны были два свидетеля, которые могли подтвердить мои показания. У меня свидетелями

были Дурасов (русский) и Халипа (украинец). Дурасов был командиром нашей полусотни в местечке Сельцы с 1942 года. Халипа был партизаном, попал в плен и был вынужден сменить фамилию. Оказалось, что настоящая его фамилия была Лега. Он с нами находился в Петсамо с 1943 года. Оба потом работали механиками в автомобильном гараже. Часто помогали Василию Гомбоеву тем, что приносили необходимые инструменты для изготовления шкатулок и портсигаров (пассатижи, наждачную бумагу). Следует сказать, что в фильтрационном лагере к нам относились хорошо, никто никого не обвинял, ведь туда попали только те, кто не сотрудничал с немцами. Пособников фашистов, которые работали в лагерной полиции, добровольно сотрудничали, еще на раннем этапе отфильтровали и отправили в другой лагерь.

После необходимых проверок меня и Манджи Горяева признали невиновными. Освободили по 1-й категории и должны были отправить на Дальний Восток на войну с Японией. Однако война к тому времени закончилась, и всех отправили на работу собирать картошку в колхоз в Калининской области на две недели. Кормили в колхозе супом из картошки и капусты. Утром и вечером выдавали по 300 грамм черного хлеба. После окончания работ в колхозе привозили обратно в лагерь. В сентябре 1945 г. объявили, что нас отправляют в Новосибирскую область. Нам выдали вещмешки, хлеб, комбиджир, и отправили поездом под охраной двух вооруженных сержантов. Поезд прибыл в Москву на Ленинградский вокзал, откуда мы перешли на Казанский вокзал и сели в поезд в г. Новосибирск. По пути выяснилось, что охранниками были русские из Удмуртии. На одной из станции (названия не помнит – *Б.Ш.*) мы сошли. Оказалось, что там жила тетя одного их охранников. Он попросил свою родственницу, чтобы она оставила нас у себя дома на пару дней, а сержанты отправились дальше, к своим семьям. Старушка кормила нас картошкой и хлебом. Чай варила из травы.

Через два дня один охранник вернулся, а второй остался дома. С ним мы прибыли в Новосибирск и направились в управление НКВД. Там мы встретили одного работника НКВД, который, к нашему удивлению, оказался калмыком. Он не поздоровался с нами и даже не смотрел в нашу сторону, явно выказывая свое неудовольствие, а сопровождавшему нас сержанту сообщил, что нас нужно доставить на ул. Ядрицовского, д. 48, в сельский районный отдел милиции. Там молодой лейтенант милиции расписался в бумагах охранника, что принял двух человек, и после ухода охранника сказал: «Если раньше сопровождала вооруженная охрана, то теперь можно передвигаться без сопровождения. Вы свободны, но лучше никуда не ходите. Где мы укажем, там и будете жить

и работать». Там же находился пожилой калмык Шарманжинов.

После этого он нам троим выписал направление в 1-й совхоз им. НКВД. Оказывается, что было 2 совхоза со сходными названиями: один – 1-й совхоз им. НКВД, а другой – 1-й совхоз им. Чкалова. Выйдя из отделения, мы по незнанию попали сначала в совхоз им. Чкалова. Найти дорогу в совхоз им. НКВД нам помог калмык, который пригласил к себе в дом, напоил калмыцким чаем и накормил картошкой. Уже в сумерках мы пришли в совхоз. Застали директора в конторе, представились, предъявили выданные справки из милиции. Он приказал жилищному коменданту отвести нас в столовую, определить на временный ночлег, а утром выдать талоны на еду. Ужин состоял из двух блюд: суп с картофелем и квашеной капустой, пюре из картошки. Хлеб здесь выдавали по карточкам в количестве 500 грамм в день на человека. Во время завтрака в столовую вошли Баазр и Костя, встреча была радостной. Выяснилось, что они приехали на три дня раньше нас и работали в гараже грузчиками. Как они нам объяснили, зарплата была высокой, и при хорошей работе дополнительно выдают хлеб. Они работали на лесовозах и в день успевали сделать один рейс. Первую ночь в бараке, в который нас определили для постоянного проживания, мы провели плохо: вдвоем спали на железной кровати, и всю ночь нас кусали клопы.

На следующий день мы пошли к директору и по совету наших друзей попросились на работу грузчиками на лесовозы. А Шарманджинов сказал, что до войны был конюхом, и попросил директора направить его работать конюхом. Его просьбу удовлетворили. Как оказалось, в совхозе уже работал конюхом мой земляк Санджи Горяев, тоже приехавший незадолго до нашего появления.

Впятером (с нами работал еще один калмык Шурганов Лиджи из Лагани) мы до обеда успевали загрузить все три лесовоза, привезти и разгрузить. Еще один рейс делали после обеда. За хорошую работу заведующий гаражом сделал надбавку к хлебным карточкам: к 500 граммам хлеба добавили еще 200 грамм. В конце октября выпал снег, а в ноябре ударили морозы. За ударный труд шоферов лесовозов и четверых грузчиков пригласили на торжественный ужин, на котором каждому выдали по бутылке водки и по одному сырку в качестве награды. Мы с Баазром Буваевым одну бутылку сразу убрали, чтобы продать и выручить деньги. Из второй бутылки мы во время ужина выпили по 100 грамм, а затем закрыли ее и оставили с сыром для Лиджи Шурганова, который почему-то не вошел в списки, и еще одного старика-калмыка (не помнит имя – *Б.Ш.*). Они очень обрадовались и произнесли много благопожеланий. Утром мы продали бутылку водку за 160 рублей, а деньги

разделили поровну. Уверенности нам добавило получение аванса в размере 60 рублей.

С наступлением морозов стало невозможно выходить на работу в легкой одежде и ботинках, так как приходилось ездить на борту лесовоза. Получив карточки на питание за ноябрь, обратились с просьбой о выдаче теплой одежды к заведующему гаражом. Через несколько дней заведующий гаражом вызвал нас к себе, где нас ждали зам. директора Козлов и полевод Зубков. Козлов обратился к нам и сказал, что в курсе наших проблем и что за хорошую работу нам выдадут валенки, ватные штаны, фуфайки, но с удержанием их стоимости из зарплаты. Через некоторое время Костю и Манджи забрал руководитель молочной фермы открывать силосные ямы. Нас четверых – троих калмыков и пожилого немца-моториста – забрал на работу полевод Зубков. Мы прибыли с ним в пос. Коченёв. Питание здесь было лучше, чем в совхозе: первое и второе блюда были мясными. На постой нас определили в новую еще сырую землянку, в которой пришлось долго топить печь, чтобы постепенно просушить ее. Для питания выделили мешок картошки, который нам привезли на собачьих санях. Бригадир сказал, что голодать мы не будем, как закончится картошка, он даст еще. В соседней большой землянке жили старики-калмыки, которым бригадир тоже привез картошки. Их привезли на работы в составе рабочего батальона. В первую же ночь по прибытии мы вышли на работу в ночную смену на пресс. Я работал подавальщиком сена на прессе, а Мокаев Бемб с русской женщиной вязали тюки. Баазр Буваев брал готовый тюк сена, подвешивал на крючок и вез укладывать, а два пожилых калмыка Савг Ходжинов (из Большедербетовского района) и Буурл Эрднинов (из Яшкульского района, близ Чилгира) – на лошади, запряженной в сани, привозили сено со скирда и сгружали у пресса. Работать старикам приходилось в 40-градусный мороз без теплых рукавиц и обуви. Один был в ботинках, а другой – в кирзовых сапогах. У них мерзли руки («горели» от мороза), и они грели их за пазухой. Когда выдался случай сходить на базар, я купил две пары суконных рукавиц для стариков. Они были большие шутники и спросили у меня: «Эренджен, как ты узнал, что нам такая вещь нужна была?».

Норма смены была – 10 тонн прессованного сена. Работавшие до нас прессовали за смену только 7 - 8 тонн сена. После того как мы в первую ночную смену выполнили норму в 10 тонн, нас перевели в дневную. В дневную смену мы тоже перевыполняли план и успевали прессовать 12 – 13 тонн сена.

В воскресные дни мы ходили на базар, где покупали молоко по просьбе Савг для приготовления калмыцкого чая. Сварив чай, он приносил его в землянку к молодым и просил попить чай вместе

с ним. Говорил, что если пить калмыцкий чай хотя бы раз в неделю, то настроение будет улучшаться. Во время работы, глядя на мои руки, шутя говорил, что они не то что в работе, в драке плохие помощники. Шутки ради хватал за пояс и поднимал меня над своей головой. Руки у него были большие, а кулаки – с голову ребенка.

Благодаря заботливому бригадиру жить впроголодь не приходилось. Он приходил в землянку и всегда проверял наличие картошки. Если картошка заканчивалась, он высыпал остатки на пол, забирал мешок и возвращался с полным. В работе незаметно прошла зима, и с наступлением весны бригадир отправил нас обратно в совхоз на весенние полевые работы. Там мы работали в полевой бригаде. Меня, как грамотного человека, назначили весовщиком. Мы отгружали семена для сеялок. Нам с Баазром Буваевым дали участок в 5 соток земли, где мы посадили картошку. Однажды Баазру пришла заверенная врачом телеграмма от отца, что он находится при смерти. Его отпустили навестить отца в Камский район Красноярского края. Когда Баазр прибыл на место, то оказалось, что муж его младшей сестры был комендантом, и он помог родственнику остаться около отца.

В 1945 году через переписку с Яманом Анджураевым я выяснил, что мама работала на чабанской точке в Ужурском районе Красноярского края. У нее все было относительно благополучно, она была хорошо одета и обута. Она дважды высылала вызов для меня, но комендант с недоверием относился к тем, кто побывал в немецком плену, поэтому прятал вызовы. А на третий вызов он сообщил Яману, что это не положено, и посоветовал мне перевезти маму к себе. В 1946 году я работал сначала замерщиком, потом учетчиком. После окончания сезонных работ обратился к своему бригадиру с просьбой отпустить, чтобы съездить за матерью. Незадолго до этого получил письмо от своего родственника Эренджена Зельмеевича Санджиева. Он писал, что мама находится в плохом состоянии, у нее нет одежды, обуви, еды. Единственный старый тулуп забрали на обработку и привели в негодность. Работать она уже не может и не сможет пережить зиму. Чтобы поехать за матерью, я за две тысячи рублей продал 2 тонны сена, данные мне за хорошую работу. На эти деньги я купил матери солдатские ботинки и теплую синюю шинель, так и не поняв, какой род войск носит такие шинели. На валенки денег не хватило.

Денег должно было хватить на дорогу в оба конца. Но в Новосибирске никак не удавалось купить билет, в кассах все время отвечали, что билетов нет. Пришлось ехать обратно в Коченёв и обратиться за помощью к своему бригадиру, который был в хороших отношениях с работниками желез-

нодорожной станции. Он смог купить мне билет до станции Ачинск Красноярского края на проходящий московский поезд. Более того, бригадир попросил дежурного по станции посадить меня на 6-часовой поезд, так как проводники, бывало, по утрам не открывали двери вагонов. До посадки на поезд пришлось прождать до 9 часов утра, потому что он пришел с опозданием. На перроне станции Ачинск увидел мужчину, похожего на калмыка, в черном драповом пальто с каракулевым воротником и каракулевой шапке, в белых валенках. Поздоровались, разговорились. Выяснилось, что едет из г. Абакан, везет 13-летнего внука его родителям на станцию Боготол. Моего нового знакомого звали Иван Кузнецович Илишкин, он работал преподавателем в Абаканском пединституте. Оказалось, что он пропустил уже несколько поездов, так как проводники не компостировали его билет, ссылаясь на отсутствие мест. Это было в феврале 1947 года. Следующая наша встреча произошла в Элисте в 1957 году, когда я приехал на курсы в облоно. В тот же вечер я сел в поезд, направлявшийся из Красноярска в Абакан, а утром рано уже прибыл на станцию Ужур.

По пути к Яману встретил своего родственника Санджу Шовгурова, который занимался спекуляцией: покупал в Ужуре чай, соль, спички и отвозил на поезде в ближайшие села, где и продавал их с наценкой. На эти деньги и жил. Я купил Санджи 150 грамм водки, чтобы он благословил мою дорогу. До этого он рассказал мне, как пройти до дома Ямана. Проходя через базар, возле которого жил Яман, встретил Борху Бальджирова, который уже точно показал нужный дом. Там мне сказали, что матери нет, ее забрала родственница Байн Буваева в совхоз им. Сталина на чабанскую точку Пюрви Оляева. Там было достаточно еды (дойная корова и картошка), чтобы выжить. Как выяснилось, расстояние от Ужура до чабанской стоянки составляло 25 км. Доехать можно было только на попутках. На счастье, в этот день на базар приехали Пюрвя Оляев и Сергей Эняев продавать мясо коровы. К вечеру они продали мясо, и мы выехали на чабанскую точку. Рядом с точкой была маленькая ферма, где жили мои земляки: учитель Апу (Эпэ) с детьми, Басанг Церенов с племянниками и недавно вышедший из тюрьмы гелюнг Джанчу. Апу и Басан были рады встрече и показали письма моего знакомого Намыра, погибшего на фронте. Через два дня меня, сестренку Гилян и мать повез в Ужур Эня Лиджиев. Он был неграмотный и попросил меня отправить срочную телеграмму своему сыну Улюмджи, который работал на заводе им. Чкалова в Новосибирске, в который просил его вернуться. Как потом выяснилось, Улюмджи, получив телеграмму, тут же вернулся. Я же привез родных к себе в 1-й совхоз НКВД.

До осени 1947 г. я работал учетчиком на Тулеевском участке. Со мной теперь жили мама и сестренка Гилян. Осенью нас отправили в совхоз и выделили небольшую комнату в одноэтажном бараке, в котором раньше располагался крольчатник. Вместо кроватей стояли топчаны, мы перенесли свой нехитрый скарб и стали жить. Нас было трое друзей в этом совхозе: Очир Манджиев, Манджи Кикеев и я. Очир работал грузчиком в гараже, Манджи – монтером, а я – учетчиком. С ноября 1947 г. вышло постановление Молотова, из-за чего меня сняли с должности учетчика.

Я стал возить скошенное сено с Тулеевского участка в совхоз. Расстояние от участка до совхоза составляло 35 км. Работа была не из легких: выезжали с напарником рано утром, дотемна нагружали сани сеном, затем ехали в конюшню на бригаду, где распрягали коней и передавали конюхам; закрепляли сено и ночевали в общежитии на голых нарах; выезжали рано утром после завтрака в столовой. До совхоза добирались только к вечеру. Если начиналась метель, то снегом засыпало все дороги. Лошади сильно уставали и не могли взобраться на другой берег реки Оби, так что приходилось им помогать толкать сани и тянуть лошадей на подъем. При сильной метели переправа через реку отнимала много времени, случалось, что переправлялись только к часу ночи. В таких случаях приходилось сокращать путь, проезжая по Красному проспекту Новосибирска. Дорога шла вниз, и лошадям было легче тащить груженные сани. Милиция была знакома с трудностями перевозки через Обь, изредка останавливала нас, чтобы уточнить, кто такие и в какой совхоз везем сено. Приезжали ночью, если бригада нуждалась в сене, то тут же его разгружали. Если сено было в бригаде, то доставленное сено скирдовали, часто до глубокой ночи. Затем шли в конюшню сдавать лошадей конюху. Поужинав, ложились спать глубоко за полночь, а рано утром снова ехали за сеном. Работали на износ, за пропущенный рабочий день решением суда могли удерживать 25 % заработка в течение одного-двух лет.

1 января 1949 г. я женился на Санджиевой Босе Джаповне.

Самым сложным было отмечаться у коменданта каждую пятницу. Нашим комендантом был Наран Егоров из Долбанского района в звании младшего лейтенанта, а его заместителем – русский парень в звании лейтенанта. Тяжело было всем от нашего коменданта. В комендатуре можно было встретить людей разных национальностей. Кроме калмыков, приходили поволжские немцы, грузины, литовцы, эстонцы и др. Самыми первыми покинули места ссылки эстонцы. При подписании договора о Дружбе между СССР и Финляндией премьер-министр Урхо Калева Кекконен поставил условием

возвращение на прежние места проживания всех сосланных эстонцев. В 1955 г. все эстонцы вернулись. Я запомнил эстонца, который проживал с двумя сестрами и престарелым отцом. Не выдержав тягот, лишений, старик умер. Сын не стал хоронить его на общем кладбище, а похоронил на поляне в лесу. Верил, что вернется в родные края, и заранее приготовил гроб из листового железа для перевозки тела отца. Когда эстонцам разрешили вернуться на родину, он увез останки отца с собой.

В 1955 г. совхозу приказали освободить занимаемые городские земли. Пришлось разобрать все дома, строения и переехать в с. Качимовку за 20 км от занимаемого ранее места. С приходом к власти Н.С. Хрущева ссыльным стали делать послабления в режиме. В 1955 г. на мое имя пришли два вызова из сел Куйбышев и Тишинка Алтайского края. Оказывается, 1954 год в Алтайском крае выдался очень урожайным. Родные писали, что зерна у них много, живут в достатке. Родственница Тевкя писала в письме, что купила для меня стельную корову за 3 тысячи рублей. После неоднократных просьб мне разрешили переезд с семьей к родственникам матери в Рубцовский район Алтайского края.

Мы переехали в колхоз им. Куйбышева. Село находилось в 7 км от Рубцовска и в 20 км от Тишинки. В районном центре Рубцовске проживали мои родственники. Дети Хеечи Эрендженова – Шорва и Муута – работали в подсобном хозяйстве Рубцовского сельмаша, а Шурган Аралович был бригадиром в подсобном хозяйстве. Его жена Бомбр была родственницей моей матери. Когда начали обустриваться, сестренку Гилян отправили к родным в с. Тишинка. Там проживали 4 семьи родственников по материнской линии. Каждая семья пообещала выдать мне по 2 мешка зерна. Сестренке в бричку я положил деревянный ящик и наказал ей взять у каждой семьи родных по 2 курицы и 1 петуха. Она вернулась с 10 мешками зерна, 10 курицами и 1 петухом в деревянном коробе. Попросив у бригадира телегу, я с племянником отвез зерно в Рубцовск на вальцовую мельницу и обмолот муку, ее хватило на всю зиму. После этого все калмыки с села стали ездить со своим зерном на мельницу в Рубцовск. А до этого пользовались колхозной каменной зернотеркой. Я работал подсобным рабочим на чабанской стоянке у Хейчи Болдыревича Менкенасунова. С приходом весны начались еще и полевые работы. Директор МТС Виноградов забрал меня учетчиком в бригаду. До осени 1956 г. я проработал учетчиком в 5-й тракторной бригаде, а осенью тракторную МТС ликвидировали и всю технику передали в колхоз. Поэтому мы с учетчиком Виктором Менкеновым попали в Веселоярский МТС.

Когда в 1957 г. всем калмыкам разрешили вернуться на родину, директор Веселоярской

МТС не хотел меня отпускать. Когда мы уезжали, трактористы плакали и говорили, что такого второго учетчика у них не будет. Дело было в том, что предыдущие учетчики списывали с тракторов полный расход горючего, не учитывая остатки в баках машин, и каждый год трактористы за перерасход горючего платили из своей зарплаты. Я определил средний расход каждой машины и горючее распределял между ними по норме. В первый год было сэкономлено много солярки и бензина. У Виктора получился перерасход бензина, и я отдал ему сэкономленную машину горючего. Это горючее очень пригодилось зимой, когда колхозники спокойно на тракторах завозили на свои нужды лес. На зиму на чабанских стоянках заготавливали

кизяк и привозили в колхоз. Когда уезжали в Калмыкию, то в колхозе остался у меня большой дом с полным подвалом картофеля. Дом мы продали за 5 тысяч рублей, и на эти деньги, вернувшись в Калмыкию, в 1957 г. я купил две коровы. После возвращения я до пенсии работал учителем».

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

Список информантов

Боктаев Шаня Васильевич – 1933 г. рождения, г. Элиста

Далтаева Булгун Убушаевна – 1925 г. рождения, г. Элиста

Мутляев Эренджен Хазыкович – 1922 г. рождения, пос. Цаган-Нур

ББК 63.3 (2) 622.6

УРОЖЕНЦЫ КАЛМЫКИИ – ПАРТИЗАНЫ ЮГОСЛАВИИ

П.Э. Алексеева

В статье освещаются неизвестные страницы биографии уроженцев Калмыкии – партизан Югославии.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, плен, партизаны Югославии, биография.*

The article deals with unknown pages of biographies of the partisans of Yugoslavia – natives of Kalmykia.

Keywords: *the Second world war, captivity, partisans of Yugoslavia, biography.*

По-разному складывались судьбы тех советских солдат, кто участвовал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., защищая и освобождая свою страну от немецко-фашистских захватчиков. Миллионы из них героически сложили головы в кровопролитных сражениях, многие дожили до победы над врагом, часть же из них испытала горькую участь военнопленных. Как правило, попадали в плен, оказавшись в окружении или получив ранения на поле боя. Немецкое командование содержало военнопленных в специальных лагерях, созданных повсеместно на территории оккупированных стран, а также в самой Германии. Сегодня известно, что многие из советских военнопленных не только не склонили головы, а организовывали подпольные группы и искали возможности своего освобождения. Среди тех, кому удалось не только пережить ужасы лагерей для военнопленных, но и обрести свободу, продолжить вооруженную борьбу с врагами, были уроженцы Калмыкии. Большинство из тех, кто бежал из лагерей на территории Европы, влились в ряды партизан Югославии, Польши, Франции.

В 1966 г. авторский коллектив сотрудников Калмыцкого НИИЯЛИ во главе с заведующим отделом истории М.Л. Кичиковым подготовил сборник документов и материалов «Калмыкия в

Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». В нем были помещены и сведения об уроженцах Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии [1; 2]. Бывший участник Сопротивления во Франции Д.А. Балханаков в своем очерке о партизанах Югославии сообщил о 18 партизанах калмыцкой национальности, воевавших в составе 1-й роты 13-й Хорватской дивизии 1-й Приморской дивизии Народно-освободительной армии Югославии (далее – НОАЮ). Это Санджа Учурович Авьюсов, Харцха Бадмаев, Семен Божадыхов, Шаврта Бораев, Конча Гаврилов, Парма Дакинов, Анатолий Анджаевич Картаев, Доган Кебюнов, Намин Кеквеев, Лиджи Лившиев (возможно, Лиджиев), Канур Манкирович Лиджиев, Ашкан Сарангович Манджиев, Николай Монтыков, Бембя Мулаев, Бадма Очиров, Иван Сукгугинов, Манджи (Миша) Тагиров, Петр Цебеков [1, с. 520 - 523]. В примечании к этому изданию также отмечено, что Д.А. Балханаковым установлены имена 62 уроженцев-Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии [1, прим. 2]. Благодаря изысканиям доктора Т. Миленковича к числу югославских партизан-уроженцев Калмыкии сегодня добавились имена Ивана Тимофеевича Зудьбинова и Эрдне Ермаковича Алексеева [3].